

УДК 39(=512.165)

Шабашов А.В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Украина

Shabashov A.V.

Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate professor of Department of Archeology and Ethnology of Ukraine, Odessa National University «I. I Mechnikov», Ukraine

Пережитки двойственной системы терминов родства (по материалам гагаузского и некоторых других тюркских языков)

В «Антропологии родства» длительный период продолжается дискуссия по поводу первичности в терминологии и в отношениях родства либо их биологической, либо социальной составляющей.

Целью настоящей статьи является проанализировать параллельные, сосуществующие термины родства у гагаузов и некоторых других тюркских народов, которые обозначают одни и те же отношения родства, но восходят, в одних случаях, к биологическим этимонам, а в других – к «социальной титулатуре». При этом будет использоваться, прежде всего, этимологический метод. Работа основывается на собственных полевых материалах автора, а также на опубликованных лексикографических данных.

Проведенный анализ позволяет предложить гипотезу, которая заключается в том, что на протяжении всей социальной истории человечества сосуществовали две системы терминов родства. Одна из них в большей степени отражала социальную иерархию, тогда как другая отображала реальные биологические связи между людьми.

Ключевые слова: термины родства; система терминов родства; биологическое родство; социальное родство; гагаузский язык.

Relics of the dual kinship terminology system. According to the materials of the Gagauz and some other Turkic languages

In "Anthropology of kinship" extended period, the ongoing debate about the primacy in terminology and in relations of kinship or biological, or social component.

The purpose of this article is to analyze parallel, coexisting kinship terms the Gagauz and some other Turkic peoples, that is, those terms that describe the same (or close) kinship relations, but to give rise, in some cases, to biological

etymons, in others to "social titles". The work is based on own field materials of the author and also already published lexicographic data.

Analysis of the kinship terminology of the Gagauz, together with materials on other Turkic languages, allows us to offer alternative hypothesis. It lies in the fact that throughout the entire social history of mankind, in one form or another, co-existed two kinship terminology systems. One of them largely reflects social hierarchy, while the other displays real biological (genealogical) connections between people.

Keywords: kinship terms; kinship terminology system; biological kinship; social kinship; Gagauz language.

В «Антропологии родства» длительный период продолжается дискуссия по поводу первичности в терминологии и в самих отношениях родства либо их биологической, либо социальной составляющей. Согласно первой точке зрения, в основе первичных отношений родства – биологические (генеалогические) связи между породителями/порожденными, а впоследствии они расширились до различных более широких категорий в зависимости от социальной структуры и социальных отношений в обществе.

Другая, пожалуй, более распространенная сейчас точка зрения исходит из того, что первичными являются не биологические, а социальные отношения в группе, лишь позднее сузившиеся до биологических категорий. То есть термины родства были первоначально, так сказать, «социальной титулатурой», обозначением социальных категорий, определявшими, в зависимости от пола и возраста, принадлежности к первобытному коллективу, место человека в обществе, и лишь позднее они наполнились биологическим содержанием, свойственным им в современных обществах.

Так, например, последовательно отстаивающий последнюю точку зрения В.А.Попов, пишет: «понятие родство не сводимо к биологическому (кровному, генетическому, реальному) родству, поскольку любая общественная система имеет как социально значимые, так и незначимые кровнородственные отношения. Иначе говоря, наряду с естественным, биологическим родством существует и так называемое социальное родство, которое представляет собой социально обусловленную и санкционированную обществом систему родственных отношений, за пределами которой даже биологически близкие родственники не считаются таковыми ... Обычно различают два основных исторических типа ... СР [систем родства] – первичный (классификационный, классификаторский) и вторичный (описательный, вертикальный). Первичные СР – групповые и небиологические, вторичные – индивидуальные, совпадающие в значительной степени с биологическими

отношениями родства» [9, с. 93]. Этой же точки зрения придерживаются Н. М. Гиренко, Н. А. Бутинов [5, с. 41–50; 3, с. 172–183] и др.

Напротив, О. Ю. Артемова, опираясь на концепцию А. Рэдклифф-Брауна, исходит из того, что «в основе всех классифицирующих номенклатур [родства] лежит «генеалогический базис», т. е. отношения, создающиеся в нуклеарной семье», а в дальнейшем термины, обозначающие близких реальных (биологических) родственников, тем или иным способом расширяются на больший круг лиц (большинство из которых, тем не менее, являются кровными родственниками говорящего лица, пусть и весьма дальние), с которыми человек вступает в социальные контакты [2, с. 129–137; 1, с. 41–47].

Дискуссия дошла до того, что, например, соавторы одной работы, в которой реконструируется ностратическая терминология родства, признаются в диаметрально противоположных взглядах на характер последней: «...один из соавторов данной работы (С.В.Кулланда) считает, что генеалогическому счету родства предшествовала половозрастная стратификация, и соответствующим образом трактует семантику праязыковых этимонов, тогда как второй соавтор (А.В.Дыбо) полагает, что генеалогическое родство характерно для самых ранних этапов социогенеза, что, естественно, приводит к несколько иной трактовке имеющихся данных» [6, с. 20].

На мой взгляд, данная дискуссия носит достаточно спекулятивный характер, поскольку, при всей ее теоретической важности, она имеет эпистемологически призрачную возможность определенного положительного решения и напоминает дилемму о первичности курицы или яйца.

Тем не менее, анализ терминологии родства гагаузов, вместе с материалами по другим тюркским языкам, позволяет предложить еще одну, альтернативную гипотезу, которая заключается в том, что едва ли не на протяжении всей социальной истории человечества, в том или ином виде, как бы сосуществовали две системы терминов родства, одна из которых в большей степени отражала социальную иерархию, тогда как другая отображала реальные биологические (генеалогические) связи между людьми. А некоторые лексемы, сохраняющиеся у гагаузов, являются рефлексамии такой двойственной системы терминов родства: *y:sũsũ* (в кириллической орфографии *yũsũz*) «сирота», *кардаш* «брат, младший брат» и его женское производное *кыскардаш* (в кириллической орфографии *кызкардаш*) «сестра, младшая сестра», *йавру* «дитя, ребенок».

Целью данной работы является проанализировать параллельные, сосуществующие термины родства у гагаузов и некоторых других тюркских народов, такие термины, которые обозначают одни и те же (или близкие) отношения родства, но восходят, в одних случаях, к биологическим этимонам, а в других – к социальной титулатуре. При этом

будет использован, прежде всего, этимологический метод. Работа основывается на собственных полевых материалах автора, наиболее полно отраженных в следующей монографии [14], а также на других, опубликованных лексикографических данных, ссылки на которые будут приведены в соответствующих местах.

Мать у гагаузов обозначается либо общетюркским термином *ана*, либо (чаще) болгарским заимствованием – *мамо* [14, с. 81–82]. Однако этимологом понятия сирота – *ÿ:cÿсь* [14, с. 154] – является лексема *ÿ:*; *-cÿсь* – аффикс, образующий от именных основ имени со значением отсутствия, неимения (соответствует русскому *без-* / *бес-* (чего-либо)). Этот этимон (*ÿ:*), отсутствующий в настоящее время в гагаузском языке как самостоятельная лексема, является видоизменением древнетюркского *ög / ök* «мать» [8, с. 264].

Лексема *ök* «мать», в основном, зафиксирована в древнетюркских языках: др.-уйг. *ök*; ен., крх.-уйг. *ögsüz*, ср.-кыпч., чаг. *öksüz* «сирота» [12, с. 312, 300]. В современных языках сохранилась только лексема, обозначающая сироту: тур. *öksüz*, тур. диал. *ögsüz, ösyz*; ктат. *oksüz*, кар. К., кбалк., кум. *öksüz*, кар. Т. *oks'uz'*, кар. К., ног. *öksiz*, кар. Г. *eksiz*, алт. *ösküs* (метатеза), *üsküs*; хак. *ökis*, хак. Саг., шор. *ökküs*, шор. *ükküs* [12, с. 312].

Возникает вопрос, почему в гагаузском и других тюркских языках сирота обозначается не с помощью функционирующего в этих языках слова «мать», а на основе лексемы, достаточно давно вышедшей из употребления? И каково соотношение между древнетюркскими обозначениями матери – *ана* и т. п. и *ög / ök*, учитывая большую древность обоих этих терминов? Дыбо А. В. и Кулланда С. В. первый термин возводят к алтайскому (то есть общеалтайскому) «*ена или *ане “мать / старшая сестра (не бабка)”» и даже ностратическому «*ена “старшая родственница женского пола, возможно, по мужской линии”, возможно “бабка”», а второй – к общеалтайскому **o[kʰ]e* «жена, сестра, самка» и ностратическому **?VwǰV* «жена» (со знаком вопроса) [6, с. 27, 30].

Учитывая эти, приводимые Дыбо А. В. и Кулланда С. В. значения, предполагаю, что в древнетюркском языке сосуществовало две лексемы с пересекающимися значениями – *ана*, обозначавшая «социальную» мать, старшую женщину, и *ög / ök* – «биологическая мать, породительница» < «самка». Впоследствии социальное значение расширилось и на биологическое, биологическое же сохранилось только в производном понятии, обозначающем сироту, то есть человека, который не имеет именно биологической матери, хотя, возможно, и имеющего мать «социальную».

Хорошо коррелирует с этим и наличие отголосков в гагаузском языке различия биологических и социальных детей. Наиболее распространенным термином в гагаузском языке для обозначения детей (без различия их пола) является *ушак*, вместе с тем, в этом же значении

зафиксирована и лексема *йавру* (село Томай, Гагаузия) [14, с. 89–90]. Хотя для последнего в классическом «Гагаузско-русско-молдавском словаре» приводится только одно значение: *йавру* «детеныш»; *айы йаврусу* «медвежонок» [4, с. 208], букв. «детеныш медведя», нет сомнения, что оно иногда, наряду с *ушак*, употребляется и для обозначения человеческих детей.

Судя по этимологии этих терминов, считаю, что изначально *йавру* обозначало биологического, порожденного ребенка, тогда как *ушак* имело более расширительное значение «социального» ребенка, как биологического, так и приемного, воспитанника.

Йавру в различных фонетических формах и значениях присутствует во многих тюркских языках. Среди этих значений приводятся: «детеныш (+ дитя)» (осм. *млекопитающих и птиц*), (*животных*), «младенец», «молодое животное» (*также о рыбах, птицах, насекомых*), «плод в утробе животного»; «птенец», «цыпленок», «малек», «детва (*пчелиная*)», «рой» [17, с. 53]. Таким образом, через аналогию с детенышами животных, у которых, естественно, нет «социальных» детей, связь с плодом, утробой реализуется семантика биологического характера отношения родства, выражаемого данным термином.

Социальное содержание понятия «ребенок» вполне логично реализуется через слово, восходящее к тюркскому этимону *уша* – «становиться меньше, мельче», «раздроблять, разрывать, разбивать», «мять, тереть, растирать»; *ушақ* здесь – производное имя на *-қ*: имеет такие значения: «мелкий», «небольшой», «маленький», «размельченный», «крохи», «мелкая вещь», «щепка», а также в отношении человека: «ребенок/дитя», «мальчик», «слуга», «юный», «молодой», «молодой человек», «парень» [11, с. 617–618], где, как видим, преобладают социальные значения – «молодой», «младший член общества».

В других тюркских языках эти понятия реализуются и в других лексемах, на чем здесь останавливаться не будем. Можно лишь отметить, что наиболее распространенное в тюркских языках обозначение ребенка – *bala*, в качестве древнейшего зафиксированного значения имеет «детеныш животного, птенец», «именно от этого значения образуется глагол *balala*- ‘выводить птенцов’, ср. также каз. *balala*- ‘рожать, окотиться’ и т. д.» [12, с. 307].

Еще один термин, который, безусловно, имеет «биологическую» семантику – *кардаш*, который в гагаузском языке обозначает брата, но, преимущественно, младшего, и *кыскардаш*, букв. «женский брат», «сестра, младшая сестра». Для старшего брата и старшей сестры существуют «обязательные» термины – *батү* / диал. *ага* и *каку* [14, с. 102–105], поэтому, строго говоря, эти термины обозначают младшего брата, младшую сестру, хотя, возможно, в некоторых коннотациях, под влиянием

соседних народов, обозначение для младших братьев и сестер может распространяться и на всех сиблингов.

Этимология и история тюркского термина родства *кардаш* хорошо известна. Прежде чем перейти к этому, следует сказать, что в общетюркской (древнетюркской) системе терминов родства не существовало обобщенных терминов для брата и сестры. Характерная для тюрков релятивная система терминов родства, во-первых, не признает категории генеалогического поколения, а термины родства выделяются по принципу относительного возраста или «косо́го родства», а во-вторых, не различает ступеней родства. Другими словами, выделяется прямая линия родства, а боковые родственники по линии отца (от сиблингов до кузенов, дядей-тетей, дедов-бабок, племянников-племянниц любых степеней родства – «двоюродных», «троюродных» и т. д.) выделяются в зависимости от их возраста относительно *эго* (говорящего лица) и его прямой линии родства [13, с. 122–129; 15, с. 73–92].

Таким образом, среди мужских родственников наиболее актуальной парой становятся термины для обозначения «мужчины старше *эго*, но младше его отца» (ими, с «европейской» точки зрения, могут быть: старший родной, двоюродный, троюродный и т. д. брат, коллатеральный дед младше отца, родной и коллатеральный брат отца младше него, племянник старше *эго* и т. п.) и «мужчины младше *эго*, но старше его старшего ребенка»¹. Для женских родственниц, соответственно, – «женщина старше *эго*, но младше его отца» – «женщина младше *эго*, но старше его старшего ребенка». Терминологически чаще всего эти понятия выражались лексемами *ауа / ақа – ини* (с фонетическими вариантами) для мужчин [12, с. 291–293] и *ара – сиңил* – для женщин [12, с. 311]. Таким образом, данные термины несут минимальное биологическое содержание, кроме принадлежности их носителей к роду *эго*, и тюркская релятивная система родства «не нуждается» в отдельных понятиях «брат» и «сестра».

Тем не менее, в большинстве тюркских языков имеется лексема *қарындаш* или *қардаш*, с наиболее распространенными значениями «брат и сестра», «брат», «сестра», «соутробник, соутробница», образованная от тюрк. *қарын* «живот; утроба, чрево, брюхо» и аффикса *-даш*, придающего новообразованию значение совместности, соучастия [16, с. 321–323; 12, с. 290–291], которая, таким образом, дублирует «социальные» термины, в том числе включающие понятия старших и младших братьев, старших и младших сестер.

История рассматриваемого термина в разных тюркских языках весьма разнообразна и запутана, несмотря на его «излишность», он,

1. Такая же пара в родственном тюркском языке среднемонгольском языке: *ақа – де'и* хорошо охарактеризована в работе П. О. Рыкина [10, с. 32–44].

трансформируясь под влиянием различных социальных условий, почему-то (?) сохранился в большинстве этих языков.

«В большинстве тюркских языков впоследствии этот термин стал общим обозначением для брата – как следствие «мужского шовинизма», причем в нем преобладает сема «младший». В ряде тюркских языков (каз., ккалп., башк., кирг. и др.) преобладающим оказалось развитие «женской» семантики – «младшая сестра мужчины», «племянница по мужской линии» ... помимо «брат» появились новые обобщающие значения: «родственник», «родня», «двоюродная сестра», «племянница», «приятель, дружище» и т. д.» [12, с. 290–291]

В западнотюркских языках, как правило, сохранились общетюркские термины для родственников старше *эго*, а *кардаш* / *кызкардаш* приобрело значение младших родственников, или с помощью последних терминов образуются описательные конструкции для старших и младших братьев и сестер. Так, у крымских татар старший брат – *агъа* / *акъа*, старшая сестра – *тата* / *мата* / *тяптя* / *ана* / *абла* / *абай* / *апте*, а младший брат и сестра – *къардаш* / *хардаш*, либо с различием пола – *огълан-къардаш*, *къыз-къардаш*; *къардаш* также иногда используется для обозначения всех родственников [7]. У тракайских караимов *ауарах карындаш* «старший брат», *игитр'ак карындаш* «младший брат», у балкарцев *tamada qarnaš* «старший брат», *kiči qarnaš* «младший брат», у кумыков *ullu er qardaš* «старший брат», букв. «большой мужской соутробник», *gičči er qardaš* «младший брат», букв. «малый мужской соутробник» [12, с. 291].

Подводя итоги, отмечу, что, несмотря на мое скептическое отношение к далеким праязыковым реконструкциям, если не в отношении фонетики, то в отношении семантики, кажется убедительным, что уже на очень древних стадиях развития общества (если не «изначально») параллельно существовали термины, как обозначающие биологическое родство между людьми, так и социальные «термины родства», разграничивающие членов общества по полу и возрасту. В гагаузской терминологии родства такая оппозиция в пережиточных формах сохраняется в терминах *ана*, *мамо* «мать, мама» – *ү:сүсь*, восходящих к древнетюркскому этимону *ög* / *ök* «мать, породительница»; *ушак* «ребенок» – *йавру* «ребенок, детеныш, порожденный»; *батү* / *ага* «старший брат, старший родственник из поколения *эго*» – *кардаш* «брат, младший брат», устар. «единоутробник», *каку* «старшая сестра, старшая родственница из поколения *эго*» – *кыскардаш* «сестра, младшая сестра», устар. «единоутробница».

Если родительский инстинкт существует у животных и, видимо, в основном, чем более животное высокоразвито, тем более этот инстинкт выражен, вряд ли обоснованно предполагать его отсутствие у человека или даже его ближайших предков. И, естественно, этот инстинкт должен был находить свое выражение не только в конкретной практике, но и в языке.

Вполне резонно на этот счет пишет О. Ю. Артемова, чью развернутую цитату считаю нелишним здесь привести: «Этнология не знает таких культур, в которых кровнородственные связи не «выделялись» бы из комплекса социальных связей в целом или не «имели социальной значимости». Более того, культуры, в которых люди «мать родную не узнают» или, по крайней мере, не считают ее важнее других «матерей», просто невозможны по определению. Во всех человеческих обществах непосредственные породители, порожденные и те, кто порожден одними породителями, спаяны самыми тесными отношениями (разве что для отдельных культур это будет не совсем верно в отношении породителей мужского пола)... в языках народов, имеющих классифицирующие номенклатуры родства, обнаруживаются те или иные лингвистические приемы, с помощью которых подчеркивается подлинность или близость родства, а также обозначаются степени родственной близости... Даже относительно несложный лингвистический анализ, направленный на выяснение буквального значения терминов в классифицирующих номенклатурах, может показать, что это именно термины родства и свойства, так или иначе указывающие на связи по рождениям и бракам...» [2, с. 136, 137].

Среди таких лингвистических приемов для выделения собственных биологических родителей можно также вспомнить разграничение референтивной и вокативной подсистем терминов родства, наиболее характерное для самых близких родственников. В русском языке словом *мама*, как правило, обозначают именно родную мать, тогда как слово *мать* можно применить и для посторонней пожилой женщины. То же самое *папа* – *отец*, кстати, эти слова этимологически не связаны. Или в болгарском: вок. *мамо* – реф. *майка* «мама, мать»; вок. *тати* – реф. *баица* (в болгарской орфографии *баща*) «папа, отец».

Другое дело, что, как было видно из уже сказанного, спорным в концепции «Рэдклифф-Брауна–Артемовой» является идея формирования так называемых классифицирующих систем терминов родства как расширения на больший круг людей биологической терминологии родства. В этом случае необходимым будет признать, что первичной формой семьи была малая (нуклеарная) семья, что весьма сомнительно. В частности, поэтому, предполагаю, что оба типа терминологии родства – социальный и биологический – изначально и в дальнейшем сосуществовали.

Список литературы

1. Артемова О. Ю. Лукавство или самообман? (о «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // АР. 1999. Вып. 3. С. 21–81.

2. Артемова О. Ю. Гармония родства // АР. 2006. Вып. 11. С. 117–145.
3. Бутинов Н. А. Родство: Океанийская модель // АР. 1995. Вып. 1. С. 172–183.
4. Гагаузско-русско-молдавский словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. 664 с.
5. Гиренко Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий // СЭ. 1974. № 6. С. 41–50.
6. Дыбо А. В., Кулланда С. В. Ностратическая терминология родства и свойства // АР. 2005. Вып. 9. С. 5–31.
7. ПМА – Полевые материалы автора.
8. Покровская Л. А. Гагаузские термины родства // АР. 1995. Вып. 1. С. 260–267.
9. Попов В. А. Тетраидность и тетраидная теория. Некоторые заключительные замечания // АР. 1995. Вып. 1. С. 92–98.
10. Рыкин П. О. Семантический анализ слова ага в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства) // АР. 2005. Вып. 9. С. 32–44.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
13. Шабашов А. В. К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии // АР. 1999. Вып. 4. С. 122–129.
14. Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002. 744 с.
15. Шабашов А. В. Мир родства древних тюрков // Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005. С. 73–92.
16. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: «Языки русской культуры», 1997. 368 с.
17. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 292 с.

References

1. Artemova O. Yu. Lukavstvo ili samoobman? (o «lateralnosti» scheta rodstva i o nekotoryih istoriko-sotsiologicheskikh rekonstruktsiyah) // Algebra of a kinship. 1999. no. 3. P. 21–81.

2. Artemova O. Yu. Garmoniya rodstva // Algebra of a kinship. 2006. no. 11. P. 117–145.
3. Butinov N. A. Rodstvo: Okeaniyskaya model // Algebra of a kinship. 1995. no. 1. P. 172–183.
4. Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar. M.: Publishing house «Sovetskaya entsiklopediya», 1973, 664 p.
5. Girenko N. M. Sistema terminov rodstva i sistema sotsialnykh kategoriy // Soviet ethnography. 1974. no 6. P. 41–50.
6. Dyibo A. V., Kullanda S. V. Nostraticheskaya terminologiya rodstva i svoystva // Algebra of a kinship. 2005. no. 9. P. 5–31.
7. PMR – Polevyie materialyi avtora.
8. Pokrovskaya L. A. Gagauzskie terminyi rodstva // Algebra of a kinship. 1995. no. 1. P. 260–267.
9. Popov V. A. Tetraidnost i tetraidnaya teoriya. Nekotoryie zaklyuchitelnyie zamechaniya // Algebra of a kinship. 1995. no. 1. P. 92–98.
10. Ryikin P. O. Semanticheskii analiz slova *aqa* v srednemongolskom yazyike (k probleme rekonstruktsii nostraticheskoy terminologii rodstva i svoystva) // Algebra of a kinship. 2005. no. 9. P. 32–44.
11. Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazyikov. (Obschetyurkskie i mezhtyurkskie osnovyi na glasnyie). Moscow: Science, 1974, 767 p.
12. Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazyikov. Leksika. Moscow: Science, 2001, 822 p.
13. Shabashov A. V. K probleme tipologizatsii sistem terminov rodstva nekotorykh etnicheskikh obschnostey Severnoy Evrazii // Algebra of a kinship. 1999. no. 4. P. 122–129.
14. Shabashov A. V. Gagauzyi: sistema terminov rodstva i proishozhdenie naroda. Odessa: Astroprint, 2002, 744 p.
15. Shabashov A. V. Mir rodstva drevnih tyurkov // Naukoviy visnik Mikolayivskogo derzhavnogo universitetu. no. 11. Istorichni nauki. Zbirnik naukovih prats. Mikolayiv, 2005. P. 73–92.
16. Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazyikov. Obschetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovyi na bukvyi «K», «Қ». Moscow: "Languages of Russian culture", 1997, 368 p.
17. Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazyikov. Obschetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovyi na bukvyi «Ж», «Ж», «Й». Moscow: Science, 1989, 292 p.

Список сокращений:

AP – «Алгебра родства», алт. – алтайский язык, башк. – башкирский язык, вок. – вокативный термин, др.-уйг. – древнеуйгурский язык, диал. – диалектное, ен. – енисейский язык, каз. – казахский язык, кар. Г. – галичский диалект караимского языка, кар. К. – крымский диалект

караимского языка, кар. Т. – тракайский диалект караимского языка, кбалк. – карачаево-балкарский язык, кирг. – киргизский язык, ккалп. – каракалпакский язык, крх.-уйг. – караханидско-уйгурский язык, ктат. – крымскотатарский язык, кум. – кумыкский язык, ног. – ногайский язык, осм. – османский язык, реф. – референтивный термин, СЭ – «Советская этнография», ср.-кыпч. – средне-кыпчакский язык, тур. – турецкий язык, устар. – устаревшее, хак. – хакасский язык, хак. Саг. – сагайский диалект хакасского языка, чаг. – чагатайский язык, шор. – шорский язык.